

crime & private

Анна
Данилова

Нирвана
с привкусом яда

Весь мир объединяет против нее, но ей этого мало...

Анна Данилова

Нирвана с привкусом яда

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183829
Нирвана с привкусом яда : Эксмо; М.: 2007
ISBN 978-5-699-21916-2*

Аннотация

Оплакав на чужбине любимого мужа, Алла пытается вернуться к прошлой жизни, возобновить былые связи. И узнает, что две ее близкие подруги погибли три года назад. А незадолго до трагедии Алла получила письмо, в котором девчонки просили ее о помощи. Получила и... забросила в дальний ящик. Снедаемая чувством вины и раскаянием, вдова возвращается в родной город, где обнаруживает, что девушки с такими именами и фамилиями похоронены дважды...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	44
Глава 9	55
Глава 10	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Анна Данилова

Нирвана с привкусом яда

Дорогой писатель Андрей!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое вечное и вечное!

Учитесь, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (француз)

Глава 1

Кемер, июль 2005 г.

Нельзя сказать, что вдовство не шло ей. Она прекрасно смотрелась в облегающих фигуру черных платьях, кружевных черных шaliaх, а ее чуть рассеянный, с оттенком трагичности взгляд даже притягивал к себе выходящих вокруг ее скромной личности и нескромного счета в банке мужчин. Изящная, с полной грудью, высокой шеей и тонкой талией, она представляла интерес для потенциальных мужей или просто любовников. Но Аллу Дворкину в ее молодом вдовстве сейчас устроило бы единственное – побыть немного одной, привыкнуть к мысли, что ее мужа, Натана Дворкина, нет, что он умер из-за огромного тромба, оторвавшегося от стенки сосуда и застрявшего где-то в области жаждущего крови сердца... Поэтому сразу после похорон Натана, всю ночь проговорив с родным братом покойного мужа Григорием и поручив ему вести все дела компании, которую прежде возглавлял Натан, и успокоившись, что все свои проблемы она чисто по-женски взвалила на покатые, но еще мощные плечи Гриши, Алла из Москвы вылетела в Кемер. Поселилась в небольшом отеле на берегу Средиземного моря и целых две недели плескалась в теплой голубой воде, валялась на оранжевых матрасах под яркими полотняными

зонтами, пила красное вино и свежий апельсиновый сок, ела жареную рыбу и много спала, не подпуская к себе ни одного положившего на нее глаз классического, с тривиальным набором знаков внимания и желаний, туриста. Ей на самом деле хотелось покоя. Слишком уж неожиданно умер Натан, его смерть заставила ее оглянуться назад, чтобы понять, что брак с этим чудесным и добрым человеком оторвал ее от прежней жизни, как отрезал, вырвал ее с корнем из провинциальной саратовской скуки, от друзей, подруг, любовников, родственников... Пять лет райской жизни с мужчиной, заменившим, без преувеличения, целый мир, усыпив в ней природную осмотрительность, предприимчивость, деловитость, превратили ее в неисправимую лентяйку и успели привить цинизм. Она перестала бояться завтрашнего дня, поскольку знала, что Натан все оплатит, за все ответит, все устроит и все простит. И вдруг его не стало. Словно стена ее спальни, где она, голая, лежала все пять лет и предавалась мечтам и самым невообразимым фантазиям, вдруг исчезла и все увидели ее уязвимость, открытость, неподготовленность к самостоятельной жизни.

Кемер, с его расслабляющей, влажной, какой-то первобытной жарой, слепящим солнцем, буйно цветущими растениями, шатающимся по нарядным улицам туристическим людом, подействовал на нее успокаивающе, явился мощным контрастом московской похоронной кутерьме, черно— бордовым краскам последней строгой постели мертвого, с блед-

ным лицом Натана. Она знала, что там, дома, в далекой и жестокой Москве, домработница Зоя со свойственным ей рвением здорового, не терпящего следов смерти человека приведет в порядок их большую квартиру, проветрит ее, сменит занавеси на окнах, отдаст в химчистку ковры и сложит аккуратно все вещи Натана в его кабинете. Поэтому, когда Алла вернется, в доме будет чисто и свежо, и лишь фотография ее покойного мужа на каминной полке станет напоминать ей о его смерти.

Нежась на солнышке и подставив его палящим лучам свои хрупкие, намазанные кремом от загара плечи, она спрашивала себя, как так могло случиться, что смерть горячо любимого супруга не вызвала в ней нервной реакции, что она не рыдала, не кричала по ночам от сознания невосполнимой утраты, не потеряла, словом, голову. И хотя окружение приписало это транквилизаторам, которые она якобы приняла перед самыми похоронами (хотя она с утра выпила лишь чашку кофе и съела бутерброд с сыром, который приготовила ей красная от слез Зоя), и природной выдержке, на самом деле она просто не осознала до конца, что произошло...

Время шло, но реакции так и не наступало. Не было ее и в душном Кемере, где она отдыхала с таким же упоительным чувством полного безделья, как и прежде.

В отеле ее уже знали – она приезжала сюда не раз – и улыбались ей шире, чем остальным, зная, что и горничным она оставит на постели щедрые чаевые, и в ювелирной лавке ку-

пит что подороже, и от безделья захочет покататься верхом и прогуляться на яхте. Но если раньше она позволяла себе флирт с каким-нибудь скучающим немцем или горячим турком, то в этот раз ей доставляло удовольствие, возвратясь после ужина в номер, растянуться на кровати перед телевизором и, потягивая ледяную воду, смотреть все подряд, размышляя о своей дальнейшей жизни.

Еще в Москве, собираясь в Кемер, она, разбирая документы, случайно наткнулась на одно письмо, которое ей хотелось бы забыть. Но в свое время выброшено оно не было, значит, судьбе так угодно, чтобы она снова увидела этот потрепанный конверт с красным крестом в углу. Почему красный крест? Не лучшее украшение для конверта, в котором могло быть вместо этого тяжелого письма какое-нибудь любовное послание, к примеру.

«Алла, у меня проблема, позвони мне, пожалуйста. Я тебе звонила, но, видимо, номер твоего телефона изменился. Это письмо будет идти в Москву из Саратова самое большее пять дней, это время я еще как-то продержусь, мне Ирина поможет, но что будет дальше – страшно даже подумать... Скажу сразу: я не виновата... Понимаю, что ты давно уже живешь своей жизнью, что ты, может быть, стараешься забыть нас, но все равно, если вдруг это письмо всколыхнет какие-то не самые плохие твои воспоминания, позвони мне, я буду ждать... Все-таки мы подруги: ты, я и Ирина. Целую, Ольга». Письмо датировано 5 июля 2002 года.

Жизнь любого человека, по мнению Аллы, изначально предопределена, и знаки, которые посылала судьба, нельзя было оставлять без внимания: этот конверт рано или поздно все равно попал бы ей в руки и напомнил бы саратовскую веселую жизнь, девчонок — Олю и Ирину, с которыми она неплохо проводила время, те жгучие по своей остроте встречи с парнями, пьяные вечеринки, смех до утра в синей мути прокуренной комнаты... Им было хорошо вдвоем, легко, они отлично понимали друг друга, и, если бы Натан случайно не оказался с Григорием на том берегу Волги с дурацкой удочкой и желанием подцепить какую-нибудь девчонку и не встретился бы взглядом с горящей на солнце Аллой, не было бы волшебной по своей неожиданности и сказочности свадьбы, ничего бы не было... Натан увез Аллу прямо из Чардыма, где она отдыхала с подружками в спортивном лагере, купаясь до одури в Волге и играя до боли в запястьях в волейбол с загорелыми студентами из политеха, в гостиницу, где она наспех переспала с ним и по дурости, еще не понимая, что лежит на плече одного из богатейших столичных молодых людей, стала снова проситься с ним в Чардым. Но вместо Чардыма он увез ее в Москву, где сделал своей женой и поселил в пятикомнатной квартире на Кутузовском проспекте. Так жизнь подарила ей Натана, любовь и счастье спокойной супружеской жизни. О каких подругах можно было думать тогда, когда она зажила совершенно другой, заполненной новыми, приятными волнениями жизнью и, главное,

Натаном, ставшим для нее самым близким и дорогим человеком. Сейчас, когда его не стало, она думала о том, как хорошо и счастливо они жили все эти пять лет, ведь именно столько было отпущено им до его смерти; они будто торопились жить, не тратя время на ссоры, хотя, с другой стороны, она понимала, что своим счастьем все равно была обязана только ему и что ее роль в их благополучии была мизерной...

Она захватила письмо с собой. Просто бросила в сумку. Словно знала, что захочет достать, перечитать и понять, волнуется оно ее или нет. Но вместо того, чтобы задуматься над тем, что же такого могло произойти с Ольгой три года тому назад и чем она, Алла, могла бы помочь подруге, ей вдруг стало трудно дышать... Она, сидя на постели у себя в номере, окруженная сбитыми простынями и рассыпанными на них мятными леденцами, которыми она заглушала неприятный привкус сигарет во рту, вдруг отчетливо увидела вместо стены комнаты белый выгоревший волжский пляж и Натана, сидящего на корточках перед ней и глядящего ее руку... Удочка, почти невидимая глазу, наполовину зарылась в песок, Натан в нелепой соломенной шляпе, из-под полей которой выбиваются его светлые и тоже похожие на солому волосы, смотрит на нее с таким обожанием, что ей и сейчас, когда она вспоминает эту сцену, становится не по себе, ее мороз пробирает... Лицо его розовое, по нему катится пот. Натан некрасив, но лицо его благородно, взгляд переполнен любо-

вью к совершенно незнакомой ему девушке, растянувшейся на песке и грызущей молодое твердое зеленое яблоко. Алла смотрит на него глазами той, прежней Аллы и спрашивает себя, хочет ли она с ним переспать, нравится ли ей этот великан-альбинос, хотя нет, он не альбинос, ведь у него карие, подсвеченные солнцем глаза, веселые, умные, глядя в которые понимаешь, что с этим человеком можно отправиться куда угодно, не то что в саратовскую убогую гостиницу, куда он зовет, чтобы выпить холодного шампанского. Он действует наверняка, особенно не церемонится, говорит о шампанском, как о любви, которая должна случиться в гостинице, на непростиранных простынях и положить начало их новым отношениям.

Комната в кемерском отеле превращается в другую комнату, где она видит голого Натана, заботливо укрывающего ее, немного утомленную не столько его ласками, сколько кажущимся бесконечным днем, жарой, Волгой и пахнувшим рыбой и тиной речным воздухом... Она, та, прежняя Алла, еще не знает, что он станет укрывать ее так же заботливо и нежно целых пять лет, что будет предупреждать каждое ее желание, став частью ее жизни, что сердце ее разорвется, когда он навеки уйдет от нее...

Она вдруг вцепилась пальцами в наволочку и завывала. Сначала тихо, а потом все громче, уткнулась лицом в пухлую, податливую мягкость подушки, и тело ее дернулось в ка-

ком-то судорожном протесте, она стала извиваться на кровати, прижимая к себе злосчастную подушку, и выть, видя перед собой дорогое ей лицо, спокойные карие глаза, которые она больше никогда не увидит... Белая круглая голова никогда больше не будет лежать рядом на подушке. Никогда он уже не позвонит ей, она не услышит его голоса!

Она рыдала и стонала до тех пор, пока в дверь не постучали... Но какое ей было дело до стучащих? Что они знали об их отношениях? О том, каким нежным бывал Натан, когда, уставший, приходил домой и, даже не ужиная, проходил в спальню, целовал свою спящую жену, проводил своими большими ладонями по ее волосам и говорил ласковые слова. Его нет! Где он сейчас? На кладбище? Нет, это не он там был, в гробу, Натан не такой, чтобы лежать при всех с закрытыми глазами, он не мог так поступить с теми, кто пришел к нему, не мог поступить так с ней...

В дверь перестали стучать. Ее просто открыли, какой-то человек в белом костюме вошел в номер, остановился возле рыдающей женщины, задал ей вопрос по-русски. Но она не пожелала даже повернуть голову. Тогда он позвонил по телефону и вызвал врача. В ожидании его дежурный администратор присел на стул рядом с кроватью и принялся с жадностью рассматривать женщину, пытаясь угадать линии ее тела под тонкой материей и представляя себя, срывающего с нее простыню и набрасывающегося на нее, такую беззащит-

ную, плачущую, нежную, соблазнительную... Уж он бы успокоил ее, уж он бы приласкал, зацеловал бы ее всю, начиная от этих блестящих густых каштановых волос, рассыпанных по подушке, и кончая пальцами белых стройных ног. Он уже давно наблюдал за ней, почти неделю, и ему нравилось, что она всех отвергает, что загорает не в пример другим, под зонтом, что мало ест (в ресторане он старался сесть близко к ней и не спускал с нее глаз) и мало разговаривает. В ней чувствовалась тайна, она приехала в Кемер не для того, чтобы развлекаться, а, скорее всего, для того, чтобы просто отдохнуть, прийти в себя. От чего?

Пришел доктор, хороший знакомый администратора. Тоже турок и тоже в белом.

– Мы сделаем вам успокоительный укол, – сказал администратор по имени Али. Доктор уже стоял со шприцем наготове.

Женщина не шевелилась. Тогда доктор, потянув за край простыни и оголив бедро женщины, почему-то вздохнул и, словно жалея свою неожиданную пациентку, сделал ей укол. Администратор, не отрываясь, смотрел на открывшуюся часть тела. На лбу его выступил пот...

Глава 2

Кемер, июль 2005 г.

Она открыла глаза и увидела голубой потолок. Рядом кто-то дышал. Она повернула голову и увидела мужчину. Она вспомнила, что его звали Али, но вот как он оказался в ее номере, не помнила.

– Уходите. – Она натянула простыню до подбородка. – Уходите, слышите? Я включаю свет...

Но при свете он показался ей еще более привлекательным, чем в том ее сумасшедшем сне, в котором она отдавалась не только администратору Али, бравшему ее, не снимая белого костюма, но и доктору, сухому высокому и жилистому турку с глазами-виноградинами... Натана больше не было, теперь его место на подушке рядом с ее головой будут занимать другие мужчины, в тысячу, нет, в миллион раз хуже Натана, глупее, грубее... У нее начнется новая жизнь, и ей придется научиться обходиться без него...

Смуглое тело Али нравилось ей, несмотря на то, что сейчас его присутствие в ее постели было противоестественным, ведь она еще не оправилась от истерики, ее глаза щипало от слез, а голова прямо-таки раскалывалась. Его присутствие казалось противоестественным уже по той причине, что она только сегодня по-настоящему осознала, какую по-

терю понесла... Она горько оплакивала своего мужа, а негодяй Али воспользовался ее состоянием, решил успокоить ее, заласкать чуть ли не до обморока... Ну и пусть. Должен же ее хоть кто-то немного любить. Пусть даже одну ночь.

Она выключила свет, набросила на себя рубашку и, стараясь не тревожить сон своего нового любовника, вышла из спальни и устроилась в кресле в другой комнате. Там при свете лампы она перечитала письмо Ольги и поняла, что созрела для того, чтобы впустить ее в свою новую жизнь. А почему бы и нет? Может, еще не поздно ей помочь? Так, во всяком случае, ее жизнь будет чем-то, вернее кем-то, заполнена. Она взяла телефон и спокойно, нисколько не волнуясь, набрала саратовский номер своей подруги.

Глава 3

Кемер, июль 2005 г.

Она звонила по этому телефону три дня. Но телефон не отвечал. Причин этому могло быть сколько угодно. Не отвечал и телефон Ирины. В Саратове жила тетка Аллы, Евгения Александровна, которую, правда, Алла звала просто Женей, в свои пятьдесят та выглядела очень молодо. Поэтому третий звонок был адресован ей. Вот в ее жизни в плане координат ничего не изменилось, и после второго длинного гудка Алла услышала ее приятный голос.

– Женя, это я, Алла Дворкина, – проговорила она и вдруг, произнеся фамилию Натана, захлебнулась в плаче, успокоилась на мгновение и выпалила: – Натан умер, представляешь? Я в Кемере, сижу вот в гостиничном номере и не знаю, кому позвонить, чтобы поделиться страшной новостью... Никого из московских знакомых ни видеть, ни слышать не хочу...

– Аллочка! – задохнулась в искреннем возгласе сожаления и выражения соболезнования вежливая и добрая Женя. – Какое несчастье!

Алла тотчас представила ее себе – высокая, худая, сложенная втрое в своем глубоком красном любимом кресле, свет от торшера освещает ее впалую напудренную щеку и уго-

лок пунцового рта. Женя доигрывала в драмтеатре последние роли, но, еще полная сил, готова была играть все, что угодно, лишь бы подольше оставаться на сцене. Женя похоронила своего мужа, художника этого же театра, десять лет тому назад, поэтому лучше всех могла понять свою так рано овдовевшую племянницу. Женя Оськина была красива той яркой, оригинальной красотой, что не дает женщине права запускать себя, забывать о своем истинном предназначении. У нее были идеальная фигура, густые, коротко остриженные волосы, потрясающей красоты кисти рук, которыми она играла на сцене не меньше, чем своим лицом, и большой чувственный рот, который она безбожно, с восьми лет, красила ярко-красной помадой. Штат ее любовников постоянно обновлялся, как и ее кровь. Словом, она жила полной жизнью и давала жить тем, кто ее любил. К своей единственной племяннице она относилась с трепетом и ужасно тосковала, когда та перебралась в Москву. Первое время они перезванивались, поскольку разлука всегда подразумевает перемены, и Алла испытывала желание поделиться с теткой впечатлениями о своей новой семейной московской жизни, но потом звонков стало меньше, хотя обе, и тетя и племянница, продолжали любить и помнить друг друга. И вдруг этот звонок. Евгения на какое-то время замолчала, осмысливая услышанное.

– Приезжай ко мне! – вдруг услышала Алла то, что хотела услышать.

За этими словами стояли долгие вечера за чаем или кофе в уютной, украшенной веточками сухой рябины кухне Евгении, ее советы, рассказы... Алла вспомнила звучание хорошо поставленного голоса Жени и запах, неповторимый запах ее просторной комфортной квартиры, где много воздуха, цветов и где после каждой выкуренной сигареты на стол ставится чисто вымытая пепельница...

– Приеду. Я тебе не помешаю?

– Нет, что ты! Вот только говорю с тобой сейчас, и не верится, что то, что ты мне сказала, произошло на самом деле... Натан. Он же был так молод. Что случилось?

– Тромб, – всхлипнула Алла, посмотрев на дверь, в которую постучали.

Это пришел Али. Жизнь продолжалась. Она на цыпочках подошла к двери и впустила к себе любовника.

– Я хотела тебя спросить, ты не видела Ольгу или Ирину? Они не заходили к тебе? Не звонили? Они бывают в театре?

– Ирина? Ольга? – Евгения тихо свистнула. – Алла, ты что, ничего не знаешь?

– Нет... – Алла подняла руки, помогая нетерпеливому Али раздеть себя. – А что я должна была знать? Три года тому назад...

– Да, три года назад это и произошло... Значит, ты знаешь?

– Да нет же! – Она перешагнула через трусики и легла с телефоном на кровать. Закрыла глаза. Али склонился над

ней...

– Они погибли. Автомобильная катастрофа. Говорят, они поехали на Ольгиной машине в лес, то ли на пикник, то ли за грибами... Это было летом... Вот такие дела.

– Женя... – но больше уже она говорить не смогла. Язык Али коснулся ее, и она, почувствовав мощный прилив желания, выгнулась дугой на постели и застонала от наслаждения. – Я тебе потом перезвоню...

– Приезжай, – мягко повторила свое приглашение Евгения. – Целую тебя, моя дорогая...

Глава 4

Саратов, июль 2005 г.

Спустя неделю она уже стояла у саратовского аэровокзала и растерянно разглядывала подернутую сиреневой дымкой панораму города – аэропорт располагался на горе... Пассажиры, летевшие вместе с ней на самолете, все, как один, покидали аэропорт на своих, поджидавших их на стоянке машинах, Алле же пришлось останавливать попутку, чтобы доехать до центра города. Она уже сто раз пожалела, что не попросила свою тетку встретить ее. По телефону они договорились, где Евгения оставит ключи от своей квартиры – это был тайник, старый коричневый башмак, стоявший на обувной полке в общем коридоре, дверь в который не запиралась.

– Угол Радищева и Мичурина, – сказала она водителю, бросая легкий чемодан и дорожную сумку на заднее сиденье. – У вас здесь что, дождь был?

О том, что ее подруги Ирина и Ольга погибли три года тому назад и что она, разнеженная браком, не считала нужным помочь им, Алла думала постоянно. И не то чтобы ее мучили угрызения совести, нет, это было совершенно другое чувство. И чувство это было почему-то сродни обыкновенному любопытству. Так получалось, что все самое важное в своей жизни она воспринимала с опозданием. Взять хотя бы

смерть Натана или свой роман с администратором Али, от которого она начала приходить в себя только в Москве, когда вошла в свою квартиру и Зоя, с нетерпением поджидавшая ее, бросилась ей на грудь...

Вот так и теперь. Погибли ее подружки, а она, вместо того чтобы горевать, чувствовать себя предательницей, пыталась понять, как же так могло случиться, что они разбились на машине приблизительно в то же время, в 2002 году, в июле, когда она получила письмо от Ольги. Что это, совпадение? Или же это был не несчастный случай и их смерть как-то связана с той проблемой, о которой упоминала в своем письме Ольга?

Ответ на этот вопрос она могла получить лишь в Саратове. И хотя девчонки не так уж долго были ей подругами, общалась она с ними с 1998-го по 2000 год, то есть не больше двух лет, все равно ей хотелось хотя бы сейчас, после их смерти, принять в них участие и понять, виновата ли она, Алла Дворкина, в том, что с ними случилось, – ведь она и пальцем не пошевелила, чтобы помочь им... Так она и расскажет Жене. Но на самом деле она приехала сюда не за этим – ей надо было вынырнуть из собственного кошмара, отвлечься, притронуться к чужой беде, ощутить горьковатый привкус чужой трагедии, чтобы ее собственная боль немного отпустила ее. Она понимала, что ею движет весьма эгоистическое чувство, но ничего не могла с собой поделать. К тому же она очень надеялась, что рядом с Женей она скорее при-

дет в себя и поймет, как ей жить дальше. Женя. Она соскучилась по своей тетке и в машине вдруг испытала приятное чувство приближающейся встречи.

Жени дома не было. Зато ключ оказался в условленном месте. Он был выужен из пыльных пухлых недр старого башмака и вставлен в замочную скважину двери, за которой, Алла очень на это надеялась, для нее начнется новая жизнь.

В квартире было очень тихо, пахло испеченным недавно пирогом с яблоками, который она обнаружила на кухне. Прикрытый салфеткой, он благоухал горячим тестом и корицей. На столе лежала записка: *«Я на репетиции, буду в четыре часа. До встречи. Люблю и целую, твоя Женя».*

Алла распаковала чемодан и сумку, подарки разложила на столе в гостиной (она привезла Жене из Кемера красную узорчатую шаль и голубое эмалевое блюдо, коробку фруктового чая и белую воздушную арахисовую халву), свои же вещи убрала на свободную, приготовленную теткой полку в шкафу, развесила на плечиках. Затем приняла душ, густо намыливаясь зеленым, как недозрелое яблоко, мылом и думая о том, что ей сейчас сделать. Да ничего не делать, просто прилечь на диван и спокойно, не вдаваясь в панику, обзвонить всех своих знакомых, чтобы, во-первых, объявить о своем приезде и, конечно же, о смерти Натана, а уж потом расспросить, как погибли Ольга с Ириной.

Но после душа и чашки чая с пирогом она прилегла и сразу же уснула. Ей снился Натан, он стоял по пояс в голубом,

сверкающем на солнце море и звал ее сплавать с ним до буй-
ков...

Глава 5

Маркс, сентябрь 1997 г.

Вика сидела в хорошо протопленной комнатке (шли холодные дожди, ветер срывал с деревьев еще почти зеленые листья), снятой ею еще в августе у рыжей веснушчатой дородной толстухи-хозяйки, совершенно небрезгливой особы, сквозь пальцы смотревшей на похождения квартирантки, и думала о Романе. Она думала о нем с самого утра, еще в постели, когда ей было лень разомкнуть веки и встретить новый день, думала за столом, когда пила дешевый кофе и ела бутерброд с жирной, но сытной грудинкой, думала на занятиях по анатомии, где откровенно зевала от недосыпания, думала в городской столовой, где на обед брала себе суп и картошку с мясом, и с мыслью о Романе засыпала. Он заполнил собой всю ее жизнь, и все мысли об этом двадцатипятилетнем блондине-художнике, время от времени захаживающем в медицинское училище, где училась Вика, чтобы пригласить девушек попозировать ему за умеренную плату, были о том, как сделать так, чтобы он обратил на нее внимание, как заставить его полюбить себя с такой же силой, с какой она его любила, чтобы в конечном счете он прекратил рисовать голых сокурсниц, а остановился лишь на ней, на самой красивой и достойной его карандаша, угля, мелка, кисти...

И тут вдруг случилось событие, словно разбудившее Романа, равнодушного внешне молодого человека, спокойно, слегка рассеянного, улыбчивого и немного странноватого на вид: он оказался замешанным в скандале, разразившемся в этом маленьком волжском городке и грозившем ему, Роману, как минимум, семью годами тюрьмы. Одну из учащих марксовского музыкального училища, расположенного на одной улице с медицинским училищем, изнасиловали. В сентябре этого года. Девчонка была пьяная, сама напросилась в гости к двум вроде бы пианистам, и никто не знает, что случилось в квартире, где устроили попойку, но девчонка, ее звали Марина (это имя прогремело на весь город и всколыхнуло начавшую темнеть и стыть волжскую воду), пришла домой под утро с синяками на бедрах, с красными пятнами засосов на шее и груди и распухшими от слез глазами и сказала своим соседкам по квартире, которую они снимали у старика немца (однорукого, большого любителя домашней кровяной колбасы и красного вина), что ее изнасиловали. Следовательно, к которому ранним утром ввалились три девицы-музыкантши с заявлением одной из них, Марины, об изнасиловании, посмотрел на них с подозрением. Он и раньше-то не уважал «пианисток», считая их потенциальными шлюхами или уж, во всяком случае, девушками доступными, веселыми и без комплексов. А тут – заявление об изнасиловании. Ну не смешно ли? Он спросил Марину, с потухшим взглядом стоящую перед ним в кабинете (ворот-

ник белого свитера закрывает половину лица, короткая юбка, плотные черные колготки, стройные ножки обуты в ботинки на высоких каблуках), кто ее изнасиловал, попросил назвать имена молодых людей, на что она ему ответила: один был пианист, зовут Саша, фамилия Воропаев, он лучше всех импровизирует на клавишных, другой – чужой, не из их училища, она видела его впервые, блондин, высокий, красивый, сказал, что ее тело надо показывать людям, как картины, а не прятать под свитером и юбкой. Порывался сорвать с нее одежду... Следователь подумал про себя, что срывать одежду – не насиловать. Пригласил двух свидетельниц, которые могли свидетельствовать лишь тот факт, что Марина вернулась домой под утро, что плакала, сказала, что ее изнасиловали, один или двое, она не помнит... Марина стояла перед ним, худенькая, невысокая, с растрепанными рыжими локонами и бледным узким лицом, глаза ее смотрели испуганно, даже затравленно, и он представил себе, как она сама напросилась в гости к этим парням, как согласилась, глупая, выпить с ними, кокетничала напропалую, сидела, положив свою стройную ножку на ножку, желая, чтобы ее оценили, захотели, а когда захотели, испугалась, попросилась домой... По-хорошему, девушку надо было срочно отправить на экспертизу, но что-то подсказывало следователю, что рановато заводить дело, что надо сначала разобраться, а вдруг девчонка передумает и заберет заявление обратно, таких случаев десятки... Он снова стал расспрашивать ее, что да как,

она, краснея, рассказывала ему в подробностях, как пришла к молодым людям, о чем они говорили, что пили (оказалось, что домашнее вино и пиво), потом она целовалась с Сашей, а тот, другой, вроде говорил, что ждет девушку, что она опаздывает, он постоянно смотрел на часы и нервничал... На вопрос следователя, кто же изнасиловал ее, она так и не сумела ответить конкретно, предположила, что либо один из двоих, либо оба... Он не видел злости в ее глазах, когда она говорила о своих ночных друзьях, как не видел и смысла для нее заявлять в милицию об изнасиловании, поскольку слишком уж все было смутно, непонятно, да и ославится на весь город девчонка, зачем ей это? Но Марина упорно твердила, что ее изнасиловали и что она не собирается молчать, что она не совершила ничего предосудительного, заглянув к Саше послушать музыку просто как к сокурснику, как к хорошему импровизатору и согласившись выпить с ним немного пива... Но и после ее слов следователь не считал нужным давать ход делу, умолчал о том, что девочке нужно срочно отправляться в Энгельс, на экспертизу... Троица ушла, следователь вздохнул с облегчением и закурил. Он был уверен, что через день-два Марина одумается и вернется, чтобы забрать заявление. Но она не явилась...

Через пару дней он вызвал ее к себе и сообщил, что Саша-пианист из города исчез, возможно, его уже успели предупредить о том, что его ищет милиция. Личность же второго парня устанавливается. По описаниям это Роман Гонча-

ров, художник, проживающий в городе Марксе на улице Гегеля и часто навещающий Александра Воропаева в снимаемой им квартире на проспекте Строителей. Как ни странно, но Марина так и не смогла сама вспомнить имя этого блондина и даже предположила, скромница-пианисточка, что эти двое нарочно ей подмешали что-то в пиво, чтобы она отключилась. Видно было, что фантазии ей не занимать.

И вот пока Романа Гончарова искали по городу, что называется, с фонарями и собаками, Вика, услышав про это, решила спасти Романа, разыскала его на старой мельнице, на заливе, где он часто писал свои картины, и предупредила о том, что его ищут. А поскольку выяснилось, что Роман действительно в тот день, точнее в тот вечер, который указывался в заявлении Марины Шелестовой, находился в гостях у Саши Воропаева, пианиста (но что там произошло, Вике он рассказывать наотрез отказался), то Вика предложила обеспечить ему алиби.

– Скажешь, что со мной был, я за тем и пришла... Люблю тебя, жить без тебя не могу, поэтому и разыскала тебя, поняла, что только я могу тебе помочь... Вот и скажем им всем, что вместе были здесь, на мельнице, что ты рисовал меня и слыхом не слыхал о каком-то там пианисте, который изнасиловал Шелестову.

Роман смотрел на нее и читал в ее взгляде такое неприкрытое желание, такую сумасшедшую подростковую, замешанную на эгоизме любовь, что понял – да, эта девчонка дей-

ствительно сможет ему помочь, она сделает все, чтобы только выгородить его, даст ложные показания, которые помогут ему спастись от наказания за преступление, которого он не совершал, но при котором присутствовал. Он был там в ту ночь, у Сашки-пианиста, куда заявила и Марина. Сначала Сашка играл им джазовые импровизации на старом немецком пианино, черном, с бурыми продолговатыми пятнами в местах, где когда-то крепились подсвечники, а потом они просто пили вино, пиво, Марина наливалась, как осеннее яблоко, соком, кровью и бесстыдством, и Сашка воспользовался ее состоянием... Потом предложил Роману последовать его примеру, но Роман ушел. Взял свой этюдник, с которым не расставался, и ушел. Он тоже выпил много, но понял из слов перевозбужденного Сашки, что девчонка была девственна, что на постели кровь...

И вот сейчас перед ним стоит его поклонница, сумасшедшая девчонка теперь уже из медицинского училища, влюбленная в него по уши и мечтающая отдаться ему точно так же, как и ее сверстница, чтобы потом, вернувшись домой под утро и переодевшись в полудетскую, в розовых слониках или поросятах, фланелевую пижаму, сесть за круглый стол в маленькой, хорошо протопленной, как топят газом все время в Марксе, комнате и, положив перед собой гладкий чистый лист бумаги, дрожащей от слабости и счастья рукой написать заявление о мнимом изнасиловании, адресованное какому-нибудь сонному, прокуренному насквозь следовате-

лю прокуратуры... Он не понимал этих девчонок и презирал их за доступность и легкомысленность. Он был старше их, семнадцатилетних, Роману в тот год исполнилось двадцать пять лет.

Роман привлек ее к себе, сладко пахнущую первыми заморозками и влажной шерстью длинного пальто, в которое она куталась, стараясь выглядеть старше, таинственнее, романтичнее, загадочнее. Ее черные кудри над высоким белым лбом, темные глаза и темно-малиновый рот обещали Роману серию портретов и великое множество бесплатных часов позирования – он вспомнил вдруг эту девчонку, которую рисовал однажды, у нее было стройное белоснежное тело с полной грудью и тонкими ногами...

А почему бы и нет?

– Спасибо тебе. – Он поцеловал ее в мятный ротик и прижал крепко к себе. – Тогда пройди, посмотри, как внутри мельницы, чтобы знать, вдруг спросят...

...Они пили кофе за маленьким столиком на мельнице, когда возле гигантской косматой ивы, закрывавшей окна, затормозила милицейская машина.

Глава 6

Саратов, июль 2005 г.

Женя сидела, утонув в кресле, напротив Аллы, задумчиво глядящей в окно, и профессионально, с трагическим выражением на лице, держала подобающую моменту паузу. Но недолго – ее жизнелюбие взяло верх, и она предложила:

– Выпьем?

– Выпьем, – вздохнула Алла, переводя взгляд с окна на ее вытянутое, как и сама Женя, бледное лицо с карминными губами. – Честно говоря, мне так хотелось с тобой напиться... ни с кем не хотелось, только с тобой. И вообще, тетка, если бы ты знала, как отвратительно я себя вела в Кемере, спуталась с администратором...

– Он хотя бы ничего был? – улыбнулась рекламными белыми зубками Евгения. – А, племянница?

– Очень даже ничего. Красивый, ласковый, как раз такой, какой мне и нужен был, чтобы немного подлечиться. И если бы не эта история с моими девчонками, я бы осталась там еще на месяц, чтобы окончательно прийти в себя. Представляешь, я вбила себе в голову, что мои любовные кемерские похождения не имеют никакого отношения к Натану, к его памяти, словно это вообще другая жизнь началась, вернее, старая продолжилась... Ты знаешь, я всегда к этому легко

относилась: сегодня – один, завтра – другой... Никого не любила, жила спокойно, счастливо и чувствовала себя сильной, здоровой и любимой. Но это до моего замужества. Потом – как отрезало. Я мужу ни разу не изменила, мы с ним так хорошо жили... Даже и не знаю теперь, смогу ли я полюбить кого-нибудь так, как моего Натанчика. И как же случилось, что он рано умер? Предательски по отношению ко мне рано. Непростительно рано. В Москве мне очень тяжело, все о нем напоминает...

– Ты сюда приехала, чтобы предаться провинциальному мазохизму? В тишине, жаре, тяжелых беседах с теми, кто мог бы пролить свет на причину смерти твоих подруг? Мне кажется, я понимаю тебя. Но только это же не убийство, а обыкновенный несчастный случай. Девчонки поехали в лес за грибами на машине. Знаешь, я бы рада тебе помочь, но они же мне никто, я с твоими подругами не общалась, только видела несколько раз, когда ты с ними в театр приходила, кажется, у меня дома были однажды после спектакля, так?

– Так.

– Ты по телефону спрашивала меня, не были ли они в нашем театре, не заходили ли ко мне, о чем ты?! Они же продавщицы! Ты уехала, и их культурная жизнь свелась, я думаю, к полусонному просиживанию перед телевизором, и это в лучшем случае... Ты не обижайся, но у меня о продавщицах свое мнение – это ограниченные женщины, хотя и хорошо одетые, но встречающие тебя на пороге своего бутика

оценивающе, понимаешь? И если ты не в состоянии купить у них какую-нибудь французскую, купленную, между прочим, на дешевой распродаже тряпку по их бешеной цене, то они тебя, не скрывая своих убогих чувств, откровенно презирают. Ведь они этим живут, понимаешь? Питаются моей несостоятельностью, делая вид, что блузка, которую я примеряю, действительно стоит, как чугунный мост, и что это ты виновата в том, что нацепила на себя вещь, которую не в состоянии купить, лучше бы сидела дома со своим пустым кошельком...

– Ба, да ты, я вижу, действительно имеешь зуб на продавщиц.

– Сидят, курицы, целыми днями на стуле, читают детективы, а когда ты заходишь к ним в магазин, бросаются к тебе со сладкой улыбочкой и говорят: вот, у нас свежий завоз, только вчера привезли из Европы коллекцию такого-то модельера, посмотрите, потрогайте, лизните, кусните... Противно...

– Женя, я тебя не узнаю! Мне все эти разговоры неприятны, потому что и я тоже работала вместе с Ириной и Олей в магазине. Мы же с ними там и познакомились. И если бы я не встретила Натана и не переехала бы в Москву, то до сих пор торчала бы в этой дыре и помогала жирным теткам примеривать юбки... Что это ты так обозлилась на них?

– Ее чуть не посадили, – вдруг произнесла Женя и, наслаждаясь тем, что своей неожиданной фразой шокировала племянницу, удивила, поразила, спокойно, со вкусом заку-

рила длинную тонкую сигарету.

— Кого? — Алла смотрела на нее, совершенно сбитая с толку. — Кого чуть не посадили?

— Ольгу, кого же еще! Поэтому-то, я думаю, она тебе и написала, помощи просила, деньги ей были нужны на адвоката, чтобы вытащить ее...

— А что она натворила?

— Я точно не знаю, но Лариса Вундер, наша прима, одевается в дорогих магазинах, и в вашем «Черном бархате» тоже, у нее денег много, она не торгуется, и продавцы ее просто обожают. Вот ее младшую сестру-то там и обокрали, в вашем «Черном бархате»: пока она крутилась перед зеркалом в зале, из примерочной кабины выкрали ее норковую шубу, очень, говорят, дорогую, которую она купила в этот же день и таскала с собой в большом бумажном пакете, да сумочку с деньгами, там было около двух тысяч зелеными и еще тысяч семь в рублях. Никто не знает почему, но подозрение пало на Ольгу... Понимаешь, накануне, я знаю это тоже со слов Вундер, Ольга купила старый «Мерседес», залезла в долги, понимаешь?.. Может, поэтому на нее подумали, а может, та девчонка, сестра Вундер, у которой шубу украли, видела ее в примерочной... Словом, ее задержали, нервы потрепали капитально, но потом, кажется, за недоказанностью отпустили... А ты спрашиваешь, не ходят ли они в театр, смешно... До театра ли им, когда они всю энергию тратят на то, чтобы дотянуться до своих клиенток, а если не получается, то вы-

плескивают на них весь свой яд...

– Что-то ты слишком разозлилась на них... Женя, остынь. Я приехала и теперь постараюсь все выяснить, понять, что же такого произошло, что она просила меня помочь, ведь письмо от пятого июля две тысячи второго года. Встречусь с твоей Вундершей, поговорю с ней, с ее сестрой...

– Но зачем это тебе?! – искренне возмутилась Женя, стряхивая пепел в хрустальную пепельницу. – Я понимаю еще, тебе хочется узнать, как они погибли, но эта история с шубой... Я рассказала тебе о ней, чтобы ты успокоилась и не винила себя в том, что не помогла тогда, три года тому назад, тем более что все закончилось благополучно, ее отпустили и обвинения с нее сняли. Кажется, даже сестра Вундерши просила у нее прощения...

– А настоящего вора нашли?

– Как же, найдут...

– А что с Ольгой было потом? Она осталась в «Черном бархате»?

– Нет, их с Ириной сразу уволили. Или же они сами ушли. Говорю же, эта история мимо меня прошла, я слышала о ней краем уха...

– Однако длинное у тебя ухо, – усмехнулась Алла.

– Если хочешь, я устрою тебе встречу с Вундершей прямо завтра. И с одним моим приятелем – следователем прокуратуры – могу познакомить. Он хороший человек, может тебе помочь собрать информацию о твоих подружках, о том, как

они погибли... Но, уверяю тебя, это не очень интересная история. Отвлечешься, это да, хотя, собственно, ты же за этим и приехала...

– Стыдно так говорить, но это действительно так. Если они были живы и здоровы, я бы заехала, конечно, к тебе поплакаться в жилетку, но пробыла бы в Саратове недолго, вернулась в Кемер или отправилась бы еще куда-нибудь... Но это письмо всплыло именно после смерти Натана, и я подумала, что должна что-то сделать, хотя бы приехать сюда...

– Правильно сделала.

И вот в тот момент, когда Женя произнесла это, Алла вдруг испытала жгучий стыд за свой приезд и за свое эгоистичное желание расследовать дело, которого не было... Какое ей вообще дело до Ирины и Ольги? Они были в ее прошлой жизни, которая и в собственных-то глазах позорит ее, а что думает о ее легкомысленном прошлом Женя? Уж она-то знает, какой образ жизни вела племянница, предоставленная после смерти родителей сама себе. Ну и ладно... Она тоже была молодая, должна все понимать...

Глава 7

Энгельс, сентябрь 2002 г.

Марина Шелестова ехала в старом разбитом автобусе по городу Энгельсу и спрашивала себя, как она могла вообще попасть в такую ситуацию и почему не нашлось никого на всем белом свете, кто бы отговорил ее подавать заявление в милицию. Девчонки, с которыми она жила на квартире, восприняли ее историю как возможность принять участие в бесплатном спектакле, получив выигрышные, нейтральные роли свидетелей чужой драмы, развлечься, посплетничать наконец. Тупые, как пробки, они не догадались подсказать ей, пребывающей в состоянии душевной комы, в полной растерянности и испытывающей боль от сознания того, что ее изнасиловали – воспользовались тем, что она, голодная, быстро опьянела, – как можно выйти из этой непростой ситуации с наименьшими потерями, и вместо этого предложили самое радикальное – потащиться в милицию, предварительно сочинив повесть о том, как двое подвыпивших молодых людей изнасиловали невинную барышню. Им даже в голову не пришло, что если уж приняли решение идти всей компанией в милицию, то перед этим Марине нельзя было мыться – на теле должны оставаться истинные следы насилия... Напротив, девчонки согрели ей воды и заставили вымыться, при-

вести себя в порядок, чтобы предстать перед представителями закона чистой и хрустящей. Ей даже дали электрические щипцы, чтобы она могла уложить свои непослушные рыжие волосы. Следовательно... Отвратительный тип, который не верил ни единому ее слову и даже в душе, как ей показалось, посмеивался над ней. Вот почему, почему, спрашивается, он направил ее на экспертизу лишь спустя две недели?! Синяки, которые появились у нее в ту роковую ночь на внутренних сторонах бедер, почти сошли. Засосы на груди и шее – тоже. Оставалась одна надежда – что хотя бы внутренние изменения в ее теле (в памяти осталось мучительное воспоминание о том, как кто-то из этих двух парней совершал с ней какие-то болезненные и грубые действия) еще успеют послужить доказательствами того, что ее все-таки лишили невинности...

Она вышла из автобуса и пошла по скользкой от грязи дороге прочь от домов, в сторону какого-то пустыря, за которым виднелось серое двухэтажное строение – городской морг. Именно сюда ее направил следователь с коричневым конвертом, адресованным эксперту.

Возле дверей морга стоял грузовик, с которого сгружали, судя по очертаниям тела под грязной простыней, мертвеца. Какие-то парни в куртках и вязаных шапочках с деловым видом втащили носилки внутрь строения. Как если бы это была старая газовая плита или книжный шкаф.

Марину всю трясло, когда она переступила порог морга.

Ей показалось, что электрический свет в коридоре излишне желт. И стены желтые, и даже какая-то пожилая женщина в кажущемся желтым халате тоже была желтая... Женщина спросила, где одежда для покойного. Предупредила, что если это будет костюм, то его разрежут сзади, говорила еще что-то обыденным, серым (а может, желтым?) голосом...

– Вы меня с кем-то спутали, мне к Геннадию Васильевичу, – проговорила осипшим от страха голосом Марина и попятилась, ударилась спиной о дверь, которая сразу стала будто опрокидываться назад. Марина, оступившись, чуть не упала, резко обернувшись, в серое прохладное помещение, присмотрелась, вдохнула в себя поглубже мерзкий запах гнили и вдруг вскрикнула – увидела лежащий на полке в отдалении синий труп...

– Вам кого?

Из голубой темноты показался пузан в бирюзовом халате, поверх которого был повязан оранжевый, побуревший от темных густых пятен, прорезиненный фартук.

– Мне Геннадия Васильевича, я из Маркса, от следователя... Он вам звонил, а у меня направление.

– Пойдемте. Я и есть Геннадий Васильевич.

У него было свежее розовое лицо, веселые карие глаза и сверкающая круглая молодая лысина.

Он привел ее в отдельный кабинет, включил свет, и Марина увидела гинекологическое кресло.

– Раздевайтесь, забирайтесь. – Он махнул рукой на крес-

ло, сел за стол и принялся изучать содержание записки от следователя.

Она стояла не в силах снять даже куртку. Тело не слушалось ее. Она в который уже раз пожалела о том, что заварила эту кашу. И вот теперь расхлебывает: Саша-пианист исчез, говорят, его видели в Красном Куте, он отсиживался там у своей любовницы, бывшей выпускницы музыкального училища Наташи Метлиной. Второй, который блондин, Роман Гончаров, отбоярился, предоставив следователю алиби – нашлась девушка, которая подтвердила его слова о том, что в ночь с 12 на 13 сентября он провел на мельнице с ней, и что они вообще собираются пожениться, а с пианистом на квартире был какой-то другой блондин. Марину приглашали, чтобы она опознала Романа, но она не могла ответить утвердительно, что это именно он. Либо он каким-то образом изменил свою внешность до неузнаваемости, либо она была настолько пьяна, что не запомнила его. Или же это был вообще не он. В любом случае, ей было ужасно стыдно перед этим парнем, ей сердце подсказывало, что он здесь ни при чем, что такой красивый, с благородной внешностью молодой человек ну никак не может быть насильником.

В училище она ходила, краснея перед однокурсниками, преподавателями, обмирала всякий раз, когда навстречу ей шел директор... Ее жизнь превратилась в сплошной стыд. Спрашивается, зачем она пришла тогда к Сашке на квартиру? Чтобы послушать, как он играет? Да кто этому теперь

поверит? Но ведь это чистая правда. Сашка никогда не нравился ей, не привлекал ее как мужчина, она никогда не была в него влюблена, но зато ей нравилось, как он играет, с наслаждением смотрела, как он извлекает из старого пианино завораживающие джазовые аккорды, сердце ее сжималось всякий раз, когда она, проходя по коридору музыкального училища, слышала его импровизации. И вдруг он, Сашка, ее изнасиловал! Да, вот теперь, по прошествии двух недель, она уже точно могла сказать, что тот, второй, здесь действительно ни при чем. Но колесо завертелось, она не знала, как сказать следователю, чтобы он оставил Гончарова в покое, боялась, что ее привлекут за дачу ложных показаний, она была абсолютно безграмотна в этом плане. И паутина плелась вокруг двух насильников, в Маркс приехала мать Сашки и привезла Марине пачку денег: вот, дочка, все, что у нас есть, возьми, только заberi свое заявление, прости нас... Этот утренний неожиданный визит Марине не забыть никогда. Она была в халате, заспанная, открыла дверь и увидела эту женщину. И когда та представилась, зажмурилась, не в силах смотреть ей в глаза. Ее сыну грозило семь лет за изнасилование. Все знают, что ожидает в тюрьме тех, кто попал по этой позорной статье...

Она не приняла деньги и сказала, что доведет дело до конца. Говорила, плохо соображая, что делает. Ей было непонятно, почему сам Сашка до сих пор не дал о себе знать, почему не нашел способ приехать, прийти к ней и хотя бы

извиниться, и тогда не понадобилось бы никаких родителей, денег... Ее подружки все, как одна, твердили, что она дура, отказавшись от денег, что Сашкина мать отнесет теперь эти деньги следователю, что, собственно, и произошло, иначе и быть не могло, любая мать поступила бы таким же образом... И вот результат: Марину отправили на экспертизу спустя аж две недели!

...Она все-таки забралась на высокое кресло, села и сложила руки на коленях. Геннадий Васильевич подошел к ней и мягко так, сочувственно улыбнулся, мол, давай ложись как следует, на спинку, ноги раздвинь и устрой вот сюда...

Она вся зажалась, он просил расслабиться, но она так и не смогла. Чувствовала, как в нее хотят протолкнуть что-то холодное и металлическое, попыталась возмутиться, это было еще хуже, чем изнасилование.

– Все, вставайте...

Он даже не оглянулся, не посмотрел на нее, сел и с озабоченным видом принялся что-то строчить на обратной стороне записки. Марина поспешно оделась и, начиная с этого момента, ничего уже не помнила... Пришла в себя лишь в кабинете следователя, спустя три часа. Он взял из ее рук коричневый конверт, прочел записку и кивнул головой с видом человека, только что получившего подтверждение своей правоты.

– Дело закрыто, гражданка Шелестова, факт изнасилова-

ния не подтвержден. Экспертиза показала, что вас, как бы это помягче выразиться, не тронули... Возможно, применили в отношении вас развратные действия, но доказать это невозможно... Поэтому... – Он достал из ящика стола ее заявление и порвал прямо на ее глазах. – Вот, собственно, и все.

На следующий день, проходя по коридору музыкального училища, она вдруг остановилась, волосы на ее голове зашевелились: за стеной, в одном из классов звучала чудесная джазовая импровизация...

Глава 8

Саратов, июль 2005 г.

Женя устроила встречу Аллы с Ларисой Вундер и ее сестрой Лизой в китайском ресторане «Мандарин». Лариса, прима драмтеатра, молодая ухоженная женщина, вся в красном, яркая роковая блондинка с голубыми глазами и бледным лицом, подбородок которого портили затертые жидкой пудрой прыщики, готовилась сыграть свою очередную роль – она вошла в ресторан царственной походкой, забыв, вероятно, что на этот раз главная роль все же отводилась ее родной сестре, Лизе – худенькой и еще более бледной блондинке в белых джинсах и синей спортивной майке.

– Примите наши соболезнования, – начала Лариса, усаживаясь за столик напротив одетой в темное платье Аллы и по-свойски улыбаясь своей коллеге Жене.

– Спасибо. – Алла даже привстала, чтобы за руку, почти по-мужски, поздороваться с примой. – Я не хочу занимать у вас много времени...

– А это Лиза, – несколько обиженно проговорила Лариса, представляя свою тень, свою копию – сестру.

– Спасибо, что пришли, я понимаю, что у вас плотный график... – Алла немного нервничала, потому что с каждым часом, с каждым днем пребывания в Саратове все больше

и больше чувствовала бесполезность своего приезда. О чем она сейчас будет расспрашивать этих амбициозных, но, слава богу, провинциально отзывчивых сестер? О том, как одну из них вроде бы ограбили в магазине модной одежды? Наверняка, собираясь сюда, они спрашивали друг друга, зачем это понадобилось Жениной племяннице, к тому же только что овдовевшей, приезжать сюда и расспрашивать об украденной шубе, не бред ли это? И не заодно ли эта московская дамочка со своими подружками, которых, кажется, после той истории с ограблением выставили на улицу?

– Я хочу, чтобы вы поняли все правильно. Ирина Капустина и Ольга Воробьева – мои подруги. Я сама родом из Саратова, дружила с ними, пока не вышла замуж и не уехала с мужем в Москву. Это произошло в 2000 году. Мы первое время перезванивались, но потом, как это бывает, звонки стали реже... Словом, мы не виделись пять лет. Но три года тому назад случилось событие, ради которого я и приехала сейчас в Саратов. Вам оно покажется, может, и не стоящим внимания, тем более, что моих подруг больше нет в живых...

Лариса и Лиза переглянулись, из чего Алла сделала вывод, что Женя не сочла нужным рассказывать сестрам об этом, решив, что это должна сделать она сама, Алла. Умная Женя, ничего не скажешь. Ей бы режиссером быть...

– Да, они трагически погибли... Так вот. Три года тому назад я совершенно неожиданно получила письмо, в котором Ольга просила меня о помощи. Просила меня позвонить ей.

Писала, что у нее возникла проблема, но что она не виновата... Но обстоятельства сложились таким образом... Понимаете, я была полностью поглощена своей семьей, я не хотела оглядываться на свое прошлое, словом, я не среагировала на это письмо, не позвонила, не написала... Письмо было отправлено мне в начале июля, а точнее, пятого июля две тысячи второго года, а шестнадцатого июля, как сообщили мне в милиции сегодня утром, когда я позвонила, чтобы выяснить точную дату, они погибли в автомобильной катастрофе – у машины отказали тормоза, и она врезалась в столб... Обе девушки погибли на месте. Вот я и хочу спросить вас, когда именно произошло ограбление, чтобы понять, связано ли как-то письмо Ольги Воробьевой с тем, что произошло в магазине. Действительно ли она украла вашу шубу, Лиза, или же это недоразумение и моя подруга не виновата?

– Мою шубу украли третьего июля, – коротко ответила Лиза и достала сигарету, закурила. – Я это хорошо помню, потому что третьего июля у моего парня день рождения, я зашла в «Черный бархат», чтобы купить юбку, очень дорогую, со стразами и кружевом... А перед этим я купила шубу, норковую, понимаете, летом они намного дешевле. У меня и чек имеется... К тому же факт кражи был зафиксирован милиционером, которого мы вызвали прямо в магазин... Да, это было точно третьего июля.

– С чего вы решили, что вашу шубу украла Ольга?

– Понимаете, все мои вещи лежали в примерочной каби-

не, я вышла в юбке и та, другая продавщица, Ирина, подвела меня к зеркалу, мы с ней разговаривали, она говорила мне, что юбка сидит отлично и все такое... В магазине, кроме Ольги, была еще одна пара – мужчина и женщина. Но они очень быстро ушли, Ольга осталась, и вид у нее был какой-то затравленный, она как-то странно на меня смотрела... Я бы даже сказала, что в глазах ее был страх. Вот так.

– И что дальше? Где находилась Ольга и где примерочная?

– Да все рядом! Недалеко от выхода! Я вернулась в примерочную, чтобы снять юбку, и увидела, что нет ни пакета с шубой, ни сумки. Я была в шоке! Набросилась сначала на Ирину, а потом, когда повернулась и увидела лицо Ольги, стоявшей рядом с выходом и делающей вид, что она собирается обслужить меня на кассе, спросила ее, не видела ли она, кто вынес из примерочной мою шубу... Она широко раскрыла глаза и сказала, что ничего такого не видела, что она постоянно находилась в зале и никуда не отлучалась, а когда я спросила ее, не видела ли она, когда из магазина выходили мужчина с женщиной, она так и вовсе замолчала... У нее был очень растерянный вид.

– И все?

– Да, – вздохнула Лиза. – Я не видела, конечно, как она выносила шубу из примерочной, и милиция, которую я сразу же вызвала, вернее милиционер, осматривавший подсобные помещения, не нашел шубу в магазине... И сумку, разумеется, тоже. Но те двое могли быть сообщниками, понимаете?

Как бы то ни было, но шуба пропала. Она исчезла. Вместе с сумкой.

– А вам не пришло в голову, что вы оскорбили, унизили ни в чем не повинного человека, обвинив в краже? – спросила Алла, понимая, что Лизой в тот момент, когда она обнаружила пропажу, руководили лишь эмоции. И это тоже можно понять – все-таки шубу украли, стоимостью, как сказала ей раньше Женя, около четырех тысяч долларов. И плюс еще сумку с деньгами. А вечером ей идти на день рождения к своему парню...

– Пришло, конечно. Ольгу задержали, я сгустила краски, сказала, что видела, как она метнулась резко к выходу, и что у нее в руках был большой пакет... Я тогда словно с ума сошла, так плакала, так расстроилась... Шубу мою, конечно, не нашли, никто ее не вернул, я-то теперь понимаю, что ее выкрала та парочка, но Ольгу отпустили. Хотя и продержали несколько дней. Она даже адвоката искала...

– А вы откуда знаете?

– Мне Ирина сказала. Понимаете, я же этих девушек часто видела, мне вообще нравился их магазин, я обращалась к ним по имени и разговаривала с ними как с приятельницами... Они мне и скидки делали...

– Тогда тем более непонятно, почему вы так набросились на нее...

– Ее лицо... Вы не понимаете... У нее был вид человека, совершившего преступление.

Алла не верила своим ушам. Эта девчонка утверждала, что у Ольги было лицо, как у преступницы, но откуда ей знать, как выглядят преступники? Даже убийцы могут быть с ангельскими лицами...

— Вы понимаете, что это несерьезно, что это тоже преступно, наконец, обвинять человека в краже только за то, что у него было растерянное лицо...

— Вот поэтому я приходила и извинялась перед ней, принесла бутылку шампанского и даже деньги, пять тысяч рублей, чтобы только она простила меня и чтобы я могла спокойно приходить в этот магазин... Не знаю, как я могла так поступить...

— У нее был шок, это же понятно! — вмешалась в разговор молчавшая до этого и медленно поглощавшая ломтики маринованного мяса Лариса. — Любая бы на ее месте устроила шум... Я ей еще сказала тогда, что украсть мог кто угодно, и с чего она взяла, что это продавщица, но она мне толком так и не ответила...

Алла сидела, слушала и представляла себе уже, как садится в самолет и возвращается в Москву. Все, хватит с нее расследований. Глупости все это. Какая-то шуба, извинения... Хотя именно этот инцидент и заставил Ольгу, видимо, что-то предпринять, написать своей московской состоятельной подруге, чтобы попросить ее помочь ей. Видно, ни у нее, ни у Ирины на тот момент не было денег на адвоката. К тому

же Ольга не так давно купила «Мерседес», заняла у кого-то денег, словом, у нее были долги... Но все же закончилось благополучно. Лиза у нее даже прощения попросила.

– А что хозяйка магазина? – Алла знала хозяйку, Галину Позднышеву, как знала и то, что Галина очень дорожила своими продавцами и не могла их вот так просто уволить за преступление, которого они не совершали. – Вы разговаривали с ней?

– Да, перед ней я тоже извинилась... Попросила, чтобы Ольгу не трогали, не увольняли, что я ошиблась... Неприятная история.

– Шубу, значит, так и не нашли, – кивнула головой Алла. – Скверная история, вы не находите?

А про себя подумала: «Сегодня же возьму билет на завтра...»

– Но они сами ушли... Думаю, у них с хозяйкой конфликт вышел, может, она тоже такая же эмоциональная, как и я, наговорила им, Ольга обиделась и ушла, а Ирина с ней... Но все равно – у Ольги было такое лицо, вы себе представить не можете... Я откуда-то точно знала, что это она, но рассудком понимала, что доказать не могу, поэтому и извинялась...

– Теперь вы без шубы? – зачем-то спросила Алла.

– Ну почему без шубы? С шубой. Я тогда же, летом, вышла замуж... У меня теперь аж две шубы. Но все равно история неприятная, и я вспоминаю ее с тяжелым чувством...

– Вы до сих пор думаете, что это Ольга ее украла?

– Я воздержусь...

– Алла, – подала голос Лариса и посмотрела на нее с подозрительностью. – Мы собрались здесь, четыре неглупые женщины, зачем? Затем, чтобы поговорить о шубе? Я не верю вам. Девушки погибли. Шестнадцатого июля. Уж не собираетесь ли вы связать их смерть с происшествием в магазине? Говорите прямо!

Такого не ожидала даже Женя, которая, услышав приму, аж присвистнула.

– Лара, ты что, спятила? Человек приехал, чтобы выяснить, нет ли ее доли вины в том, что они погибли, понимаешь? Другими словами, что было бы, если она тогда отозвалась или даже приехала сюда, чтобы помочь своей подруге... А ты что такое говоришь?

– Из-за такого не приезжают... – отмахнулась Лара, отказываясь верить Жене и тем более ее прибабахнутой племяннице. Она с самого начала чувствовала, что Лизу пригласили в ресторан вовсе не для того, чтобы говорить о пропавшей шубе, было что-то куда более серьезное, о чем им с Лизой еще только предстояло узнать. – Ситуация сложная, но все равно не такая серьезная, чтобы связывать ее со смертью. Это же был несчастный случай. Так что, Алла, возвращайтесь к себе в Москву спокойно, ни о чем не переживая... Мы все подвержены эмоциям. И Лиза, наломавшая дров, потому что такая невыдержанная. И я, когда прибежала в магазин и устроила разнос девчонкам, и Ольга, которая, испугавшись,

написала вам письмо... А виноваты те, кто украл шубу. Бедные Ольга и Ирина. Я предлагаю выпить за упокой их душ, честное слово, так этих девушек жалко...

Когда сестры вышли из ресторана, Лариса еще какое-то время молчала, вспоминая разговор, Лиза же вообще находилась в сильно подавленном состоянии.

– Мне не хватало только еще, чтобы Алик связал смерть своей бывшей подружки с шубой, – проговорила наконец дрожащим голосом Лиза. – Откуда мне было знать, что они разобьются, что погибнут... Ну перегнула палку, не надо было мне все это устраивать и поднимать шум, но кража шубы – это первое, что тогда пришло мне в голову. Представь себе, прошло уже три года, все тихо-мирно было, и вдруг эта Алла. Ну скажи, чего ей нужно было от нас? Выслушать рассказ о шубе? Или она действительно думает, что это я подстроила аварию, чтобы отомстить ей за кражу?

– А если бы ты знала, как удивилась Женя, когда я – представляешь, я, я?!! – Лара подняла вверх указательный палец с немного кривоватым красным острым ногтем, – так легко согласилась встретиться с ее племянницей, да еще привести тебя с собой?! Мы же с ней вообще не разговариваем, только на репетициях, у нас с ней давний конфликт...

– Из-за Мики?

– Не только, – отмахнулась, не желая вспоминать общих с Женей любовников, Лариса. – А тут вдруг я согласилась,

да еще, повторяю, с такой легкостью... Как ты думаешь, ее это не насторожило?

– Понятия не имею, – пожала плечами Лиза. Ее, по большому счету, не интересовали театральные интриги сестрицы, она вся была поглощена своими страхами, боялась, что эта дама, прибывшая из Москвы, собирается разоблачить ее и доказать всему миру, что шубу-то никто и не крал, что все это было подстроено с одной-единственной целью: посадить Ольгу, ее соперницу, в тюрьму, избавиться от нее любым способом. – Но у меня от всего этого голова идет кругом.

– Не бойся. Шубу все равно никто не найдет, и никто ничего не докажет. Насколько я помню, те люди, которые помогали тебе в этом грязном деле, живут на Украине. Ты мне только одно скажи: ты действительно после этого скандала приходила и извинялась перед Ольгой?

– Правда. Я испугалась, что Алик бросит меня, он не такой дурак... Я-то думала, что он ничего не узнает, они же перестали встречаться... Мне сон тогда дурной приснился. Словом, я испугалась...

– А что с ней было потом?

– Не знаю, но в магазине я их потом не видела, вместо них работали другие девчонки.

– Ты легкомысленная, Лиза, ничего не можешь довести до конца. Я бы вот, например, эту Ольгу посадила. А что? Сегодня не украла – завтра украдет.

Лара вдруг поняла, что сморозила глупость, остановилась

прямо посреди улицы и посмотрела на Лизу. И вдруг ее осенило:

– Знаешь что, сестричка, ну-ка посмотри-ка мне в глаза! Они действительно разбились в машине случайно или же это твоих рук дело?

Глава 9

Маркс, ноябрь 1997 г.

Роман Гончаров так увлекся Викой, что позволил ей поселиться у себя на старой мельнице, и теперь, после того, как история с изнасилованием какой-то там Марины улеглась и даже забылась, успокоился окончательно и понял, что влюблен. Он перевез из своей городской квартиры, где проживал с матерью, школьной учительницей, кое-какую мебель (диван, старый комод и книжный шкаф), постель, посуду и даже запасы домашних консервов и стал жить с Викторией как с женой. Утром после завтрака он провожал ее в медицинское училище, потом возвращался и работал, писал свои картины. После двух часов Вика возвращалась, разогревала обед, и они трогательно, чуть ли не в обнимку, устроившись за маленьким круглым столом, обедали, затем спали часов до пяти-шести, и вечером, до полуночи, каждый занимался своим делом: Вика читала медицинские книги, готовила еду на завтра, а Роман продолжал работу над своими холстами. За две недели такой райской, романтической жизни, пропитанной, как густым сладким сиропом, любовью, родилось два отличных Викиных портрета и натюрморт с зимними яблоками. Натюрморт Роман весьма выгодно продал одному заезжему коммерсанту, а портреты решил оставить себе: не мог поз-

волить, чтобы кто-то владел родным ему лицом, ее глазами, губами, черными кудрявыми волосами...

Его мать, тяжело переживающая увлечение Романа какой-то девчонкой, которую она даже видеть не желала, хотя Роман и звал ее к ним на мельницу, хотел познакомить с Викой, а заодно показать ей, трепетно относящейся к творчеству сына, на редкость удачные, по его мнению, портреты, с ужасом ждала известий о беременности своей бутафорской невестки. Роман же, чувствуя, что отношения его с матерью с каждым днем становятся все прохладнее, пытался убедить ее в том, что Вика хорошая, что они любят друг друга и что, возможно, именно она-то и станет его женой, вдруг начал понимать, что мать любит его какой-то болезненной, эгоистической любовью и что, будь его избранница даже святой, все равно не пожелает отдать ей сына, и что его личная семейная жизнь в любом случае обернется для него потерей матери. Он еще не знал, готов ли он к этому, но заходить к матери стал реже и даже, думая о ней, начал испытывать неприятное, щемящее чувство, как если бы не он, а мать предала его, бросила. Не так он представлял себе свою взрослую жизнь. Он всегда видел свою мать рядом с собой, рядом с самыми близкими ему и дорогими людьми – женой, детьми...

Природа щедро одарила Романа талантом рисовальщика, он рисовал с раннего возраста, причем на всем, что попадалось под руку: на бумаге, стенах, столешнице, оконных стеклах и даже на собственной коже. И мать, воспитывавшая его

без мужа (отца своего Роман так никогда и не увидел, хотя знал, что он живет где-то рядом, в Марксе, и что у него своя семья и еще двое сыновей), никогда не ругала его за разрисованные стены и окна, она чувствовала, что Роман – прирожденный художник, и очень рано стала покупать ему краски, кисти и все, что могло бы понадобиться мальчику для рисования. После десятилетки он с легкостью поступил в художественное училище, отлично окончил его и теперь, превратив с помощью матери и ее хорошего друга, занимавшего не последнюю должность в администрации города, старую мельницу в комфортную, отапливаемую и просторную мастерскую, практически все время проводил там. Романа уважали в городе, многие, кто видел его работы на художественных выставках, здоровались с ним и улыбались ему, хотя и не могли позволить себе купить его картины, но настоящая известность к нему пришла только после того, как он выставился в Радищевском музее в Саратове; несколько его работ были куплены иностранцами, пару раз его фото (залитая солнцем белокурая голова с веселыми глазами на фоне яркого волжского пейзажа) появились на обложках журналов. Растиражированный буклет с фотографиями его женских портретов и обнаженных красавиц (натурщиц своих он выбирал среди студенток марковского музыкального и медицинского училищ) за символическую плату был разобран и раскуплен на рекламные вкладыши в ресторанные меню и дисконтные карты магазинов женского белья.

Перебраться в Саратов он пока не собирался, считал, что еще рановато, что не дорос, но после каждой выставки или удачно проданной картины начинал чувствовать, что в Марксе ему становится тесно, что рано или поздно ему предстоит сделать выбор – оставаться ли вообще в России или же переезжать за границу, воспользовавшись покровительством какого-нибудь состоятельного иностранного поклонника.

Вика же, став жить с Романом, была просто оглушена своим неожиданно свалившимся на нее счастьем и молила бога о том, чтобы Роман только не разлюбил ее. Она понимала, что не чета ему, талантливому, красивому и подающему большие надежды художнику, и что он живет с ней лишь потому, что она вовремя подвернулась ему под руку, что ему было удобно с ней, спокойно и надежно. Но стоит ему встретить более интересную девушку, богатую духовно, какую-нибудь музыкантшу, к примеру, или филологиню, как он, присмотревшись к Вике, вдруг поймет, что чуть было не связал свою жизнь с девушкой не очень-то и красивой, во-первых, к тому же простой, лишенной творческой жилки, и что единственное, что она хорошо умеет делать, так это готовить тушеную кислую капусту с колбасой да еще прибираться в мастерской.

К тому же она отлично помнила, каким обманным способом вошла в его жизнь, словно совершила с ним сделку, пообещав алиби (которое, кстати, ему и не понадобилось –

ту девчонку, оказывается, никто и не насиловал, просто она приняла желаемое за действительное, дура), и каждый раз вспоминая это, ей становилось не по себе – уж больно хотелось ей чистых, искренних отношений, которые строились бы на любви, а не на страхе или желании отблагодарить ее за то же самое алиби...

Старая мельница превратилась для Вики в золотую кофейную мельницу, куда упорный и сильный Роман щедро сыпал горстями свою любовь и ласку, свои драгоценные картины и художнические надежды... Такой, во всяком случае, она увидела свою жизнь в одном из самых чудесных своих «мельничных» снов...

А в начале ноября она поняла, что беременна. События в ее личной жизни нанизывались на дни и часы с удивительной скоростью, аж дух захватывало... Уж теперь-то Роман ни за что ее не бросит, не сможет, не посмеет, даже если разлюбит, если появится в его жизни другая женщина. Он сам говорил, что у него будет много детей... И при мысли, что по устланному толстыми коврами плиточному полу на мельнице будет бегать босоногий толстенький малыш с белыми кудряшками, у нее замирало сердце. А в пронзенной солнечными лучами будущего сиреневой картинке возник силуэт незнакомого ей европейского города с башнями, готическими зданиями, узкими улочками и шпилем собора... Да, они уедут, несомненно уедут, бросят этот пропахший Волгой и

рыбой городок, куда-нибудь в Австрию, туда, где живет тот толстяк, который в прошлом году купил у Романа (она сама видела фотографии с выставки) целых пять картин! Он звал его с собой, сказал, что купит ему дом, поможет с выставками, что он понимает, какое будущее ждет Романа, что верит в него...

Вика стояла в коридоре в двух шагах от кабинета гинеколога и предавалась своим мечтам, пока не заметила сидящую неподалеку от нее девушку с заплаканным лицом. Ей так захотелось помочь ей, пусть даже просто сказать доброе слово или дать денег (мало ли?!), что она подошла и спросила, в чем дело. Ярко-рыжая, худенькая, в накинутом на плечи теплом шарфе, девушка сказала с кривой усмешкой, что залетела. И что теперь вообще не знает, куда ей идти. И вдруг зло, сквозь зубы процедила, что она теперь знаменитость, ведь это она и есть та самая дура, которая, собираясь затеять судебный процесс над насильником, сама стала жертвой представителя закона.

– Представляешь, – всхлипнула она, доверительно склонившись к неприлично счастливому лицу Вики, – он, следовательно, прямо на моих глазах порвал мое заявление, сказав, что меня никто не насиловал, что я сама все это придумала... А забеременела я от кого, спрашивается? От святого духа? Или от того, второго, художника, которого я вообще не знаю и смутно помню?... Короче, мне надо уезжать отсюда. Делать аборт и уезжать. Мне нельзя больше оставаться в

этом городе, где каждый будет указывать на меня пальцем. Вот так-то вот...

Девушка была явно не в себе и нуждалась в помощи. А Вика стояла, пораженная тем, что судьба свела ее с той девчонкой, кажется, ее звали Мариной, благодаря которой она и заполучила себе Романа! Бедолага! Если сначала Вика испытывала к ней, к неизвестной ей музыкантше, чувства отвратительные, злые и готова была сама отправиться к Марине и высказать ей в лицо все, что она думала о ней, не знающей меры в выпивке, распутнице, которая спровоцировала парней на насилие, ведь это по ее вине Роман был так напуган и переживал не лучшие свои дни, то теперь она видела перед собой существо до такой степени несчастное, что невозможно было ее оставить одну, не помочь ей.

– Ты подожди, не спеши... Надо все хорошенько обдумать, понимаешь? Пойдем ко мне, ты мне все расскажешь... Аборт ты всегда успеешь сделать...

– А почему ты мне все это предлагаешь? – Брови Марины взлетели, а в глазах вместе с проблеском разума появилась тень недоверия. – Ты кто вообще?

– погоди... Думаю, что тебе надо нанять адвоката, он сможет доказать, что ты действительно была изнасилована, а с помощью анализа на ДНК будет установлено, что отец твоего ребенка – именно тот самый музыкант...

– Ты, случаем, не мать Тереза?

– Нет, я не мать Тереза. Меня зовут Вика.

Глава 10

Саратов, июль 2005 г.

– Знаешь, я должна возвращаться в Москву. Ты права – нельзя вести себя таким образом, прятать голову в песок... Натан оставил мне в наследство такое поле для деятельности, что Грише одному не справиться... Думаю, что эта история с шубой забудется, как и мой визит. Если бы ты только знала, как ужасно я чувствовала себя в ресторане, когда задавала эти глупые вопросы, словно вела самый настоящий допрос!..

Алла ходила по комнате и говорила, говорила... Женя, сложившись в кресле длинной гуттаперчевой куклой, курила, сосредоточенно глядя в одну точку, пока вдруг не перебила ее:

– Кто о чем, а вшивый о бане... Я же – о Лариске... Возможно, ты не поймешь меня, потому что ты не знаешь ни Лару, ни то, насколько сильно мы одно время ненавидели друг друга. Короче... В нашем театре работал один актер, мы звали его Мики...

– Пожалуйста, Женечка, – Алла вдруг резко остановилась и состроила страдальческую мину. – Уволь меня от рассказов о своих любовниках, я уже и так поняла, что вы не могли поделить мужика, да? Извини, что я так цинично и просто, но у меня нет сил...

– Извиняю, – вздохнула Женя. Перед глазами ее мелькнул короткий, но бурный роман с Мики, молодым человеком с несколько экзотической внешностью (рысьи глаза, патологически маленький нос и пухлые губы), который, бросив Лару и Женю, увлекся одной молоденькой московской киноактрисой и уехал в столицу, даже не попрощавшись со своими провинциальными подружками. – Я только хотела сказать, что мы какое-то время были врагами, но потом, когда Мики уехал, бросив нас, мы как будто помирились, но все равно не настолько, понимаешь, не настолько, чтобы она вот так легко, по первому зову, безо всяких там ломаний и кривляний, согласилась встретиться с тобой, да еще и привести Лизу... Понимаешь, если бы шубу действительно украла Ольга, то есть если бы Лиза вышла из этой истории победительницей, то было бы понятно, что ей ничего не стоит рассказать тебе, как все это случилось, ну, как бы объяснить, что Ольга воровка, и это доказано, что воры должны сидеть в тюрьме и все такое... Но прийти, чтобы признаться в том, что она, Лиза, ошиблась, что ею двигали эмоции и что Ольга ни при чем – зачем ей это? Она могла бы отказаться. Лиза же призналась даже в том, что она просила прощения... В какой-то мере унизилась... У Лизы была возможность не соглашаться на эту встречу... Так зачем же она, вернее, они пришли?

– Думаешь, рыльце в пуху? – удивилась Алла. – Думаешь, не было никакой шубы?

– Шуба, может, и была, но украсть ее могла сама Лиза... Хотя зачем ей это, когда у нее столько денег, что она может купить себе несколько таких шуб... Ничего не понимаю.

– Значит, она просто дура, что пришла, – снова остыла к этой теме Алла. – Или просто хорошо воспитана и не могла отказаться.

– Может, им просто было любопытно, кто приехал и зачем... Пришли и пришли... – пожала плечами Женя. – Плюнь и забудь.

– И забуду. И уеду. Не знаю, зачем я вообще приехала. Хотя, знаешь, я вот сейчас с тобой говорю и понимаю, что начинаю медленно возвращаться к нормальной жизни, что правильно реагирую на происходящее... Женя, я уеду, но попозже. Сначала отдохну все-таки у тебя, посмотрю все твои спектакли, познакомлюсь с твоими друзьями...

– Сегодня вечером, кстати, один парень должен прийти, я тебе о нем говорила... Диденко...

– Я вот ждала, ждала, что ты снова скажешь мне об этом, но пойми, сегодня я не готова ни с кем разговаривать... – Алла капризно, даже как-то брезгливо замахала руками. – Ой-ой, не надо следователя, а? Ведь это тот самый следователь, который сказал мне по телефону, что мои подружки разбились шестнадцатого числа...

– Да, это он. Но не могу же я сказать, что моя племянница передумала с ним встречаться, что у нее дурное настроение, что она хандрит...

– Неправда! – устало простонала Алла. – Ну что ты все выдумываешь?! Просто мои вопросы к нему покажутся несерьезными, получится, что мы отвлекли человека от важных дел. Я не хочу, чтобы люди думали, будто мне заняться нечем, будто я такая слабая и глупая, что не могу взять себя в руки, вот и езжу по родственникам, пытаюсь найти себе дело, чтобы отвлечься... Да, это так, но я не собираюсь... Натан! Вот если бы он был жив, я не попала бы в такое положение, не искала бы себе приключений... Женя, мне так плохо...

Вечером пришел Диденко, высокий, опрятно одетый молодой человек. Брюнет с бледным лицом и ярко-синими глазами, он был очень красив, и Алла, украдкой взглянув на свою молодящуюся, разодетую в пух и прах, накрашенную тетку, не смогла скрыть улыбки – понятное дело, Диденко ее любовник, иначе с чего бы это ей водить такие знакомства?

– Сережа, знакомься, это моя племянница, Алла. Алла, это Диденко, вернее, Сережа, Сергей... Вы с ним уже разговаривали по телефону...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.